

НЕИЗВЕСТНЫЙ КАФКА

Рабочие тетради. Письма

П А Л Ь М И Р А

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 82-94
ББК 84(4Авс=432.4)
Н45

Перевод с немецкого и примечания Г. Ноткина

Н45 Неизвестный Кафка : Рабочие тетради. Письма / [пер. с нем. и примеч. Г. Ноткина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 413 с. — (Серия «Пальмира — Кафка»).

ISBN 978-5-517-12111-0

С 1910 года и почти до самой смерти австрийский писатель еврейского происхождения Франц Кафка (1883–1924) вел дневники — двенадцать больших тетрадей ин-кварто. Однако в 1917–1919 годах Кафка оставил их и занимался исключительно своими творческими записными книжками. Восемь маленьких голубых тетрадей ин-октаво содержат наброски художника: вполне жанрово определенные фрагменты — маленькие рассказы, притчи, афоризмы — и первичный материал литературных замыслов, едва обработанный творческой волей, — мысли и образы, «сгустки воображения», позволяющие увидеть, как зарождались тексты Кафки в его сознании, а может быть, еще только в подсознании...

В настоящем издании записные книжки, а также фрагменты, наброски и письма Кафки публикуются в переводе Г. Б. Ноткина с примечаниями и заметками переводчика.

УДК 82-94
ББК 84(4Авс=432.4)

ISBN 978-5-517-12111-0

© Ноткин Г. Б., перевод на русский язык,
примечания, 2025
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

ТЕТРАДИ ИН-ОКТАВО

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

1.1. Каждый человек носит в себе некую комнату. В этом можно удостовериться даже на слух. Если быстро идти и на ходу прислушиваться — скажем, ночью, когда вокруг тишина, — то услышишь, к примеру, дребезжанье какого-нибудь недостаточно надежно закрепленного стенового зеркала.

1.2. Он стоит, выдвинув вперед плечи, у него впалая грудь, руки висят, ноги почти не отрываются от пола, взгляд устремлен в одну точку. Он кочегар. Он загребает лопатой уголь и швыряет его в отверстие печи, дышащее огнем. Ребенок пробирается через двадцать фабричных дворов и дергает его за фартук. «Отец, — говорит он, — я принес тебе суп».

1.3. Теплее ли здесь, чем на зимней земле? Вокруг белизна вершин, единственное темное пятно — мое ведро. Если раньше я был высоко, то теперь я глубоко, и взгляд на горы выгибает мне шею. Промерзшие до белизны ледяные поверхности, прорезанные пунктирными следами исчезнувших лыжников. Я иду по узким, меньше дюйма в ширину, глубоко вдавленным в снег следам маленьких арктических собак. Моя скачка утратила смысл, я спешил и нес ведро на плече.

1.4. У. В.

Моя глубокая благодарность за Бетховенский том. Шопенгауэровский начинаю сегодня. Какой это труд — такая книга! Если бы Вы — с Вашими нежнейшими руками, Вашим абстрактнейшим взглядом на реальную действительность, с могучим и сдержанным подспудным огнем Вашего поэтического существа, с Вашими фантастически широкими познаниями, — если бы Вы только продолжили и дальше воздвигать такие памятники, к моей невыразимой радости!

1.5. Старый, тучный, с легким сердечным недомоганием, я лежал после обеда на кушетке, спустив одну ногу на пол, и читал некое историческое сочинение. Вошла служанка и, прижимая два пальца к поджатым губам, доложила о приходе гостя.

— Кто это? — спросил я, раздосадованный тем, что именно когда я ожидаю послеобеденной чашки кофе, должен принимать какого-то гостя.

— Китаец, — сказала служанка и, судорожно сморщившись, подавила смех, чтобы его не услышал гость за дверью.

— Китаец? Ко мне? Он что, в китайской одежде?

Служанка кивнула, все еще борясь с приступом смеха.

— Назови ему мое имя и спроси, действительно ли ко мне он пришел; если уж меня не знают в соседнем доме, то как я должен быть неизвестен в Китае!

Служанка на цыпочках подошла ко мне и прошептала:

— У него только визитная карточка, и на ней написано, что он просит его принять. По-немецки он не умеет, говорит на каком-то непонятном языке, а брать у него карточку я побоялась.

— Пусть заходит! — крикнул я в раздражении, часто охватывающем меня вследствие моего сердечного недуга, швырнул книгу на пол и обругал служанку.

Встав и выпрямившись во весь мой гигантский рост, который в этой низкой комнате должен был напугать любого посетителя, я пошел к двери. И действительно, едва увидев меня, китаец тут же кинулся к выходу. Я догнал этого человека только в коридоре и, осторожно ухватив за шелковый пояс, подтянул к себе. Это явно был ученый: маленький, слабый, в роговых очках, с трясущейся, черной с проседью, жесткой козлиной бородкой. Человечек дружелюбно склонял голову и улыбался с полузакрытыми глазами.

1.6. Однажды утром адвокат доктор Буцефал подозвал к своей кровати экономку и сказал ей:

— Сегодня начинаются большие прения по процессу моего брата Буцефала против фирмы Бестолетта. Я поддерживаю обвинение и, поскольку прения продлятся по меньшей мере несколько дней, причем без особых перерывов, в ближайшие дни домой вообще приходить не буду. Когда прения закончатся или появится надежда на их окончание, я вам позвоню. Большого я сейчас сказать не могу — так же, как и отвечать на какие бы то ни было вопросы, поскольку, естественно, должен заботиться о том, чтобы сохранить полную собранность. Поэтому и на завтрак принесите мне два сырых яйца и чай с медом.

Затем, медленно опустившись на подушки и прикрыв глаза рукой, он погрузился в молчание.

Болтливая, но умиравшая от страха перед своим господином экономка была страшно поражена. Такое необычное распоряжение — и так неожиданно. Еще накануне вечером господин разговаривал с ней, но не сделал ни малейшего намека на предстоящее. И не могут же эти прения назначаться на ночь? И разве бывают такие прения, которые длятся целыми днями без перерывов? И почему господин назвал ей участников процесса, ведь в разговорах с ней он

этого еще никогда не делал? И что же это за чудовищный такой процесс должен быть у брата господина, у этого мелкого зеленщика Адольфа Буцефала, с которым, кстати, господин, кажется, давно уже не очень ладит? И как господин выдержит это немыслимое напряжение, когда он сейчас лежал в постели такой усталый и, если утренний свет не обманывал, прикрывал рукой уже осунувшееся лицо? И спросил себе только яиц и чаю, а не так, как обычно, винца и ветчинки — для полного пробуждения жизненных сил? С такими мыслями экономка возвратилась на кухню, присела — только на минуточку — на свое любимое место у окошка, на котором стояли цветы и клетка с канарейкой, поглядела через двор на окно дома напротив, где за оконной решеткой боролись, играя, два полуголых малыша, затем, вздохнув, отвернулась от окна, налила чаю, взяла из продуктового шкафчика два яйца, разместила все на подносе, прихватила, не в силах удержаться, в качестве благого соблазна и бутылочку вина и пошла со всем этим в спальню.

Спальня была пуста. Как же так, господин же не мог уже уйти? Не мог же он за одну минуту одеться. Но ни белья, ни платья тоже нигде не было видно. Да Господи, что же это с господином делается? В прихожую! И плаща, и шляпы, и трости тоже нет. К окну! Господи, спаси и помилуй! вот он, господин, выходит из ворот, шляпа на затылке, плащ распахнут, папка с бумагами прижата к груди, а трость болтается, зацепленная за карман плаща.

1.7. Вы знаете дворец Трокадеро в Париже? В этом здании, о протяженности которого Вы не сможете составить себе даже приблизительного представления, если будете рассматривать его только на изображениях, как раз сейчас проходят заседания по одному большому процессу. Вы,